

Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС в системе институтов глобального управления¹

И.М. Попова

Попова Ирина Максимовна — м.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11 к. 1; E-mail: popova-im@ranepa.ru.

Интерес международного академического сообщества к БРИКС постоянно растет. Ученые-международники стараются объяснить феномен трансформации БРИКС из акронима в реально действующий институт, определить его возможности влиять на процесс принятия решений по ключевым вопросам глобального управления и трансформировать сложившуюся систему, а также предсказать будущее объединения. На разных этапах развития БРИКС одни ученые предрекали неминуемый распад объединения, другие ставили под сомнение его способность в серьезной степени влиять на развитие международной системы и ее институтов, третьи подтверждали наличие у БРИКС реальной возможности влиять на трансформацию системы, но считали, что такое влияние исключительно деструктивно. Однако у БРИКС довольно много сторонников, причем не только среди академического сообщества стран-членов и других развивающихся государств, но и среди представителей западных стран.

В связи с этим интересно проследить, как БРИКС воспринимается членами академического сообщества, какие мнения преобладали на разных этапах развития института, какие факторы могли привести к изменению характера даваемых оценок, какие методологические подходы используются, насколько серьезно влияние общей идеологии, которой придерживается автор, а также выделить основные тренды в проводимых исследованиях. Попытка ответить на эти вопросы является целью данной статьи.

В статье рассматриваются две группы исследований, посвященных месту БРИКС в современной системе международных отношений. В первую группу входят представители западных стран и университетов. Во вторую авторы из других, незападных, стран. При этом целью исследования является демонстрация спектра отношения к БРИКС со стороны международного академического сообщества, используемых методов, преобладающих подходов, а не высказывание точки зрения автора настоящей статьи о месте, роли и будущем БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС; система международных отношений; глобальное экономическое управление; международное академическое сообщество; мир-системный подход; либеральный институционализм

Для цитирования: Попова И.М. (2019) Восприятие международным академическим сообществом роли БРИКС в системе институтов глобального управления // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 72–88 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-04.

¹ Статья поступила в редакцию в июле 2019 г.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Мониторинг и оценка уровня исполнения обязательств, принятых лидерами на саммитах “Группы двадцати” и БРИКС 2018 года» (2019).

Введение

БРИКС прошел серьезный путь от акронима, предложенного аналитиком «Голдман Сакс» в 2001 г., до полноценного института глобального управления, в рамках которого принимаются конкретные решения, создаются новые институты, а также координируются интересы участников по ряду направлений. За прошедшие годы интерес к феномену БРИКС постоянно рос как со стороны экономистов, инвесторов и политических лидеров, так и со стороны академического сообщества. При этом восприятие БРИКС постоянно трансформируется вместе с растущим числом принятых конкретных обязательств, созданных форматов взаимодействия и общим ростом влияния объединения, а также происходящими изменениями как внутри стран-членов, так и в системе международных политических и экономических отношений в целом. На разных этапах развития БРИКС одни ученые предрекали неминуемый распад объединения, другие ставили под сомнение его способность в серьезной степени влиять на развитие международной системы и ее институтов, третьи подтверждали наличие у БРИКС реальной возможности влиять на трансформацию системы, но считали, что такое влияние исключительно деструктивно. В 2016 г. И. Валлерстайн заявил, что БРИКС, объединившиеся для трансформации растущей экономической мощи в геополитическую силу, никогда не выполняли собственные решения, а в результате снижения темпов экономического роста, внутривнутриполитических проблем и внешних ограничений остались «выдумкой нашего времени» [Wallerstein, 2016].

Однако у БРИКС довольно много сторонников, причем не только среди академического сообщества стран-членов и других развивающихся государств, но и среди представителей западных стран. Они считают, что объединение таких крупных и влиятельных в экономическом и политическом отношении стран может расширить представительство развивающегося мира при принятии важнейших решений, ускорить и закрепить переход к многополярному миру, способствовать реформе некоторых институтов глобального управления и в целом быть инициатором позитивных преобразований международной системы.

В связи с этим интересно проследить, как БРИКС воспринимается членами академического сообщества, какие мнения преобладали на разных этапах развития института, какие факторы могли привести к изменению характера даваемых оценок, какие методологические подходы используются, насколько серьезно влияние общей идеологии, которой придерживается автор, а также выделить основные тренды в проводимых исследованиях. Попытка ответить на эти вопросы является целью данной статьи.

К настоящему моменту написаны тысячи статей и монографий, посвященных БРИКС. Рассмотреть все в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, рассматривались исключительно статьи, посвященные исследованию БРИКС как института или политического объединения, а не группы стран. Во-вторых, отбирались статьи, анализирующие влияние БРИКС на развитие системы международных отношений и составляющих ее элементов (в первую очередь международных организаций и институтов) в целом. Более специализированные исследования, рассматривающие политику или влияние БРИКС в узких областях, также интересны, но не являются объектом исследования этой статьи. Предпочтение отдавалось исследованиям в области политической науки и международных отношений, а также мировой экономики. В-третьих, несмотря на то, что был изучен большой пласт статей из разнообразных источников, основное внимание в данной статье уделяется цитируемым работам, опубликованным в рецензируемых и

индексируемых журналах, входящих в основные реферативные базы данных (Scopus и Web of Science). Это позволяет составить наиболее объективную картину именно научных исследований по теме БРИКС.

В статье рассматриваются две группы исследований, посвященных месту БРИКС в современной системе международных отношений. В первую группу входят представители западных стран и университетов. Во вторую авторы из других, незападных, стран. При этом целью исследования является демонстрация спектра отношения к БРИКС со стороны международного академического сообщества, используемых методов, преобладающих подходов, а не высказывание точки зрения автора данной статьи о месте, роли и будущем БРИКС.

Академическое сообщество стран Запада

Западные ученые, исследующие БРИКС, не единодушны в своих оценках. Существует как группа скептически и негативно настроенных авторов, так и группа сторонников и проponentов. Первая группа исследователей не видит у БРИКС потенциала положительного влияния на развитие международной системы. Р. Уэйд ставит под сомнение коллективную идентичность форума, способность создавать позитивную повестку дня, принимать коллективные решения и выполнять обязательства. Он считает, что страны БРИКС объединены общей целью подрыва лидерства США и ЕС и бросают вызов архитектуре либерального глобального экономического управления. Он также утверждает, что США остаются доминирующим государством международной системы и вместе с членами «семерки» продолжают удерживать лидерство, но теперь опасно и оборонительно. Китай колеблется: с одной стороны, заявляет о себе как о лидере и «волне будущего», с другой — позиционирует себя как слишком бедное государство, чтобы брать глобальные обязательства. Сочетание оборонительной стратегии «Большой семерки» и ревностной защиты суверенитета в развивающихся странах порождает дух вестфальского противостояния и самоутверждения в рамках международных форумов по принципу «каждое государство за себя» [Wade, 2011].

Разделяет взгляды Уэйда и В. Харш. В своем исследовании он вообще не верит в перспективы БРИКС и фактически собирает в нем все основные положения критики института. Он пишет, что даже если государства — члены БРИКС смирятся с ростом и доминированием Китая, фундаментальное противоречие лежит в самом сердце БРИКС как политической идеи. По его мнению, у Китая и России мало стимулов искать перемен в глобальной политической институциональной структуре. Они заинтересованы в сохранении статус-кво, в то время как другие страны БРИКС пытаются войти в список современных великих держав и поэтому стремятся к перераспределению влияния в системе. Кроме того, он отмечает, что страны БРИКС «хотят большей ответственности в решении глобальных экономических вопросов, в политическом поле и вопросах безопасности, но по-прежнему неохотно принимают на себя ответственность» [Harsh, 2013]. По мнению Харша, страны БРИКС не смогли выработать скоординированный ответ на различные глобальные вызовы, что отражено в их расходящихся позициях в ООН. Также Харш считает, что представление БРИКС о том, каким должен быть глобальный порядок, в корне отличается от либерального видения западных государств.

Харш отмечает, что помимо вопроса о глобальном лидерстве не совсем очевидно, считаются ли БРИКС лидерами в своих регионах, то есть сферах непосредственного влияния. Все, включая Китай, по мнению Харша, продолжают сталкиваться с серьезными проблемами в своих регионах. В итоге он приходит к выводу, что влияние БРИКС на трансформацию мирового порядка остается в лучшем случае зарождающимся,

а в худшем — создающим проблемы. Харш также заключает, что нарратив о росте влияния БРИКС столь же преувеличен, как и об упадке влияния США, и в результате БРИКС «будет оставаться искусственной конструкцией, просто аббревиатурой, придуманной аналитиком инвестиционного банка, в течение довольно долгого времени» [Harsh, 2013].

При этом некоторые скептически настроенные авторы все же признают наличие у БРИКС определенного потенциала, но считают, что различные факторы будут препятствовать его реализации. Т. Струе де Свиланде, с одной стороны, признает, что вместе страны БРИКС имеют достаточно большой политический вес, выступая за многосторонний мировой порядок и отражая ожидания многих стран, ставящих под сомнение легитимность существующих международных институтов. С другой стороны, доказывает, что «у стран слишком много противоречий и напряженностей, чтобы они могли стать чем-то большим, чем клуб, встречающийся время от времени» [Sweilande, 2012].

Похожую позицию разделяет Р. Либер. Он отмечает, что растущая роль развивающихся стран становится все более заметным явлением в международной политике. БРИКС и другие акторы наращивают влияние в экономической, политической и культурной сферах, в то время как относительный вес Европы и Японии, традиционных центров силы, уменьшается [Lieber, 2014]. Однако автор задается вопросом: «БРИКС выступает в качестве полноценного стейкхолдера или международный порядок становится все более многополярным, не становясь все более многосторонним?» Далее он пишет, что на практике, по широкому кругу проблем, члены БРИКС чаще становились «фрирайдерами», а не сотрудничали в поддержании или укреплении международных институтов и международного порядка. В этих обстоятельствах, по мнению Либера, участие США как основного поставщика общественных благ в мире остается жизненно важным для глобального порядка. Следовательно, сочетание сокращения влияния и участия США и отказа БРИКС брать ответственность может привести к ослаблению не только многосторонних институтов, но и к развалу существующего миропорядка [Ibid.].

Некоторые авторы заключают, что успех БРИКС связан исключительно с политической волей и инициативой Китая. С. Робертс считает, что «пока БРИКС как институт демонстрирует положительную динамику, страны-члены будут заинтересованы в продолжении своего участия в его деятельности» [Roberts, 2010]. При этом Робертс отмечает, что «нельзя недооценивать то, в какой степени члены БРИКС действуют в обширной тени Китая», извлекая взаимную выгоду из его возросшего влияния в международной политике. Поэтому, по ее мнению, пока Пекин считает нужным не в полной мере использовать свое влияние на международную систему и реализовывать часть своих дипломатических задач в формате БРИКС, эта необычная, но успешная коалиция, вероятно, будет существовать [Roberts, 2010].

Опираясь на рационалистическую литературу о переговорных коалициях и конструктивистскую литературу о «воображаемых» сообществах, К. Брютш и М. Папа разработали аналитическую базу для изучения того, используют ли государства свою принадлежность к БРИКС тактически (для извлечения выгод от интенсификации двусторонних связей) или стратегически (для участия в по-настоящему совместных инициативах и достижения общих глобальных целей). Они приходят к выводу, что «даже когда страны БРИКС разделяют умеренные ревизионистские цели, сплоченность коалиции и формирование сообщества в лучшем случае носят предварительный характер». В результате из-за отсутствия четких общих целей БРИКС отказывается от всего, кроме риторики коалиционного поведения. Авторы делают вывод, что если пять держав не придут к единой стратегии использования своего относительного преимуще-

щества в глобальной системе, геополитические амбиции БРИКС будут подорваны их тактическими действиями [Brütsch, Papa, 2013].

Критика БРИКС в рассмотренных выше работах исходила от либерального крыла исследователей. Однако представители критических и марксистских подходов также неоднократно критиковали институт. Например, Й. Тейлор утверждает, что «концепцию БРИКС можно рассматривать как политическую попытку продвинуть гегемонистский статус либерального капитализма путем приобщения и приспособления возникающих центров накопления и роста к существующей системе» [Taylor, 2016]. Появление БРИКС как концепции, по мнению автора, — это, на самом деле, попытка финансового капитала включить новые и растущие в своем влиянии державы в существующий мировой порядок — при активной поддержке и содействии экономических элит самих стран-членов. По мнению Тейлора, БРИКС как институт уже является хорошим примером роли «тактического посредника» в решении проблем, когда актер стремится сгладить некоторые недостатки международной системы, чтобы текущий мировой порядок мог функционировать настолько эффективно, насколько это возможно, одновременно открывая возможность для растущих держав «претендовать на свое место под солнцем» [Ibid.].

Представители критических подходов часто отмечают, что БРИКС — это попытка не что-то противопоставить современному миропорядку, а встроиться в него и максимально использовать ради реализации интересов экономических элит, игнорируя при этом нужды других классов населения и развивающихся стран и даже эксплуатируя их. Тот же Тейлор написал ряд статей по эксплуатации БРИКС Африки [Taylor, 2018], в которых он приходит к выводу, что модель, которую предлагает институт, только сильнее укореняет зависимость континента от торговли ресурсами и воспроизводит стандартную либеральную эксплуатационную модель [Ibid.]. Правда, в этих статьях Тейлор рассматривает отношения индивидуальных членов БРИКС с развивающимися странами Африки, а не коллективные решения БРИКС в сфере содействия развитию и их влияние.

При этом многие западные исследования БРИКС рассматривают объединение в позитивном ключе и видят в нем не угрозу существующей системе, а агента ее трансформации и становления более инклюзивной. М. Скак считает, что БРИКС — «концерт великих держав, стратегическая природа которого опирается не на фундамент полярности и баланса сил, а на стратегическое решение открыть экономики БРИКС для наиболее привлекательных сил глобализации, определившее сложное сочетание приоритетов и интересов» [Skak, 2013].

М. Стивен также исследует влияние БРИКС на систему международных отношений. Он отмечает, что «интеграция восходящих держав в историческую структуру глобального капитализма уменьшила потенциал традиционных источников для конфликта между великими державами и сделала развивающиеся страны в значительной степени зависимыми от существующей институциональной структуры, созданной либеральным Западом» [Stephen, 2014]. Это облегчает их интеграцию в существующий порядок управления. Тем не менее автор отмечает, что в рамках существующего порядка два фактора создают опасность для раскола в системе глобального управления: относительно более государственных, менее рыночных формы экономического управления восходящих держав и их последующая неспособность интегрироваться в возникающие транснациональные капиталистические классовые структуры. Следовательно, заключает автор, «не сам порядок глобального управления, а его наиболее либеральные черты оспариваются растущими державами» [Ibid.]. В результате, в отличие от реалистического пессимизма и либерального оптимизма, появление новых

держав приводит к гибриднему миропорядку — более транснационально интегрированному и в то же время менее либеральному [Stephen, 2014].

Некоторые представители марксистской парадигмы также весьма позитивно смотрят на развитие БРИКС. Р. Бираппа не согласен с критикой Валлерстайна: «Что бы ни говорили критики, существует одна реальность БРИКС, которая не должна оставаться без внимания международного сообщества: чем более дискриминационным становится нынешний мировой порядок, тем сильнее структурные изменения БРИКС как института будут укрепляться и совершенствоваться» [Вугарра, 2017]. Один фактор, который полностью ускользает от И. Валлерстайна, по мнению автора, заключается в том, что экономические проблемы не приведут к краху БРИКС. Напротив, каждый раз, когда один или все члены сталкиваются с проблемой, сотрудничество в рамках БРИКС становится частью решения этой проблемы. Он приводит в пример Россию, которая, столкнувшись с экономическими санкциями со стороны Запада, выступила с инициативой активизации экономической интеграции с Китаем. Эти шаги, по мнению Бираппа, являются примером потенциала взаимодействия в рамках института и между его членами [Ibid.].

Еще одна группа западных исследователей обращается к конструктивистским подходам для объяснения феномена БРИКС. Чаще всего их исследования посвящены идентичности объединения и входящих в него стран. По мнению исследователей данного направления, благодаря постоянному взаимодействию члены БРИКС развили слои новой коллективной идентичности как новых держав или, по крайней мере, нелиберальных центров силы. Эта коллективная идентичность вместе с государственной капиталистической моделью экономик стран БРИКС означала, что БРИКС принял ревизионистскую роль в глобальном управлении. БРИКС все же не всегда принимает эту ревизионистскую роль, и роли членов могут различаться в зависимости от того, о какой сфере глобального управления идет речь. Например, в рамках управления глобальной безопасностью БРИКС играет роль державы статус-кво, отстаивая позицию суверенного государства и невмешательство во внутренние дела других стран [Duggan, 2015]. Однако в рамках глобального экономического управления, по мнению Даггана, страны БРИКС взяли на себя роль ревизионистских государств, стремящихся реформировать не только структуры институтов глобального экономического управления, таких как МВФ и Всемирный банк, но также правила и нормы, которые допускают коллективные действия в рамках глобального экономического управления. Страны БРИКС подтвердили также свою роль представителей интересов развивающихся стран [Ibid.]. Речь идет о создании и развитии НБР и сильном акценте на таких вопросах развития, как продовольственная безопасность. Эти действия оказали заметное влияние на развитие новой повестки дня в рамках глобального управления, которая теперь меньше фокусируется на распространении либеральной экономической модели и уделяет больше внимания вопросам развития [Ibid.].

Важной темой исследования БРИКС и его влияния на международную систему является анализ клубного и неформального типа организации. Некоторые авторы видят в этом слабость БРИКС и считают, что такой характер взаимодействия снижает эффективность. Однако другие авторы полагают, что именно «клубность» БРИКС является его сильной чертой. Такая форма организации, по мнению Э. Купера, позволяет БРИКС сохранить степень влияния в постоянно меняющемся балансе сил, а также быть своего рода группой давления в рамках согласования решений в других организациях и форумах, прежде всего в рамках «Группы двадцати» [Cooper, Fagoog, 2013]. Д. Киртон также отмечает, что растущая институционализация БРИКС как ограниченного, компактного клуба создает все больше рациональных стимулов к сотрудничеству

и постепенно начала порождать личные связи между лидерами, которые усиливали сотрудничество между самими участниками [Kirton, 2015].

Следующая группа западных исследователей отмечает позитивную роль БРИКС в развитии некоторых составляющих международной системы. К. Хопвелл и ряд других авторов исследуют роль БРИКС в трансформации системы международной торговли. Они пишут, что «феномен новых развивающихся держав (к которым относятся БРИКС) никогда не был исключительно экономическим явлением» [Hopewell, 2017]. В равной степени, если не в большей, важным было их политическое влияние на управление глобальной экономикой. Вопреки общепринятому мнению, несмотря на различающиеся и порой противоположные интересы, эти три страны продемонстрировали высокую степень единства и готовность сотрудничать в многосторонних торговых переговорах [Vickers, 2012]. По мнению К. Хопвелл, альянсы формирующихся центров силы (к числу которых в первую очередь относится БРИКС) «сыграли решающую роль в борьбе с традиционной структурой власти во Всемирной торговой организации (ВТО) и превратили Дохинский раунд торговых переговоров в противостояние интересов глобального Севера и глобального Юга». Она подчеркивает, что их союзы оказались на удивление долговечными — способными выдержать значительное давление со стороны США и других авторитетных держав — и сыграли значительную роль. Анализируя перераспределение влияния в ВТО, автор ставит под сомнение широко распространенное мнение, согласно которому «рост БРИКС был всего лишь иллюзией или заблуждением, созданным заинтересованными участниками финансового рынка для улучшения инвестиционных возможностей» [Hopewell, 2017].

Некоторые авторы отмечают позитивное влияние БРИКС и на развитие системы международных финансовых институтов. Особое место здесь занимают исследования Нового банка развития. Э. Купер в своей статье утверждает, что Новый банк развития БРИКС (НБР) заслуживает большего внимания не потому, что он похож на Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а из-за его отличительных особенностей. НБР, в отличие от АБИИ, не обладает впечатляющим материальным потенциалом или открытыми связями с более широкой геополитической стратегией под руководством государства-учредителя. По мнению автора, НБР отличает четыре новых элемента в структуре и управлении [Cooper, 2017]. В отличие от других многосторонних финансовых учреждений, НБР придерживается принципа равенства среди своих основных членов. Продуктовые инновации развиваются благодаря продвижению устойчивого развития с исключительным акцентом на нишевые проекты в области чистой возобновляемой энергии. Кроме того, НБР продвигает использование зеленых облигаций, деноминированных в национальных валютах БРИКС. Также наличие региональных центров ускоряет процесс подачи заявки и выделения финансирования [Cooper, 2017]. Хотя каждый из этих элементов подвергается серьезным испытаниям в практической деятельности банка, способность НБР преодолевать серьезную внутреннюю напряженность посредством импровизации и компромиссов, по мнению Купера, указывает на оригинальную модель формирования коллективной политики и глобального управления [Ibid.].

В целом статьи про БРИКС, написанные в самом критическом и негативном ключе, в основном принадлежат авторам, которые находятся ближе к полюсам идеологического спектра, причем как либеральному, так и марксистскому. Это задает тон всему исследованию, часто не позволяет авторам быть объективными и создает мнение, что «БРИКС, строго говоря, является миражом, но тем не менее дает значительную пищу для размышлений» [Elliott Armijo, 2007]. Авторы, находящиеся ближе к середине спектра, дают более взвешенную оценку, отмечая как слабые стороны института, так и

его преимущества, которые могут стать залогом успешного участия в трансформации международной системы.

Незападное академическое сообщество

Теперь обратимся к незападным исследованиям БРИКС и его роли в системе современных международных институтов. Здесь также представлены как критики объединения, так и его безусловные сторонники.

По мнению З. Лаиди, БРИКС формируют коалицию защитников и главных поведенческих незыблемостей принципа суверенитета в международных отношениях. Они «не стремятся сформировать антизападную политическую коалицию, основанную на встречном предложении или радикально различном взгляде на мироустройство» [Laïdi, 2011], но максимально заинтересованы в сохранении «независимости суждений и действий на национальном уровне в мире, который становится все более экономически и социально взаимозависимым» [Laïdi, 2011]. Но, по мнению Лаиди, эта коалиция, которая сильна и эффективна в защите объединяющих их принципов, остается слабой в отношении продвижения каких-то новых идей именно потому, что суверенные государства, которые ее формируют, преследуют узкие национальные интересы и не готовы жертвовать ими ни при какой ситуации. Поскольку страны-члены не доверяют друг к другу по ряду объективных причин, в основном обусловленных историей развития отношений (китайско-русское и китайско-индийское противостояние), БРИКС испытывает затруднения в интерпретации суверенитета как чего-либо, кроме игры с нулевой суммой, в том числе в отношениях между собой. В итоге автор приходит к выводу, что такая сильная и узкая привязанность к суверенитету является как сильной стороной объединения, так и его серьезным ограничением. Он заключает, что «БРИКС образуют гетерогенную коалицию часто конкурирующих друг с другом держав, которые имеют общую фундаментальную политическую цель: не позволить реализоваться претензиям западных стран на гегемонию в системе международных отношений, защищая принцип, которому эти претензии угрожают сильнее всего, а именно политический суверенитет государств» [Laïdi, 2011].

Распространенным аргументом сторонников точки зрения о том, что БРИКС, в теории имея потенциал влияния на систему, не смогут его реализовать, является преобладание в БРИКС экономических интересов Китая и политических — России. При этом внутренние процессы в странах-членах, а также внешняя конъюнктура также могут препятствовать развитию БРИКС. Л. Рамос пишет, что нынешняя международная конъюнктура окажет существенное влияние на траекторию развития БРИКС. Поэтому следует иметь в виду: 1) степень, в которой БРИКС будет обладать реальной центро-стремительной способностью, обусловленной главным образом китайскими экономическими интересами и интересами России в сфере политики и безопасности, создать полюс противодействия США и в то же время 2) последствия самих политических изменений в странах БРИКС, как, например, в случае Бразилии. Для автора очевидно, что развитие процессов институционализации (особенно, но не исключительно, в областях политической экономии — международного развития — и международной безопасности), как правило, страдает от последствий этих и ряда других проблем. Таким образом, по мнению Рамоса, развертывание и переплетение этих процессов может стать суровым испытанием для будущих достижений БРИКС [Ramos et al., 2018].

М. Лю также отмечает, что «прогресс предварительной институционализации БРИКС был в основном обусловлен интересами Китая и России, что отражало их стремление продвигать многосторонний мировой порядок и формировать новую мощную основу для сотрудничества незападных стран» [Liu, 2016]. Дальнейшее раз-

вите БРИКС, по мнению автора, зависит от его способности преодолевать структурные препятствия между пятью странами, среди которых наиболее значимым является огромное расхождение между размерами и темпами роста экономик [Liu, 2016].

Еще одна группа авторов сомневается в успехе и перспективах БРИКС из-за модели его функционирования, которая коренится в неформальном характере института. Л. Де Васкоселос Коста Лобато отмечает, что «невозможно установить прямую связь между социальным прогрессом в странах-членах и участием в деятельности института» [De Vasconcelos Costa Lobato, 2018]. Она также пишет, что это может быть связано с «трудностью принятия обязательств в условиях разных национальных контекстов с разными структурами систем социальной политики» [Ibid.]. Отмечая при этом и однозначные плюсы такой модели участия в институте, автор заключает, что «эта неформальность, которая, несомненно, является значительным новшеством в дипломатической инженерии, может, однако, привести к принятию более слабых и расплывчатых обязательств и поставить под угрозу реализацию целей БРИКС» [Ibid.].

Также ряд исследователей приходит к выводу, что страны БРИКС не сильно преуспели в развитии своей мягкой силы. По мнению О. Штункеля, несмотря на значительный экономический рост в течение первого десятилетия XXI в., возможности стран БРИКС по наращиванию мягкой силы крайне неравномерны, и они по-прежнему часто безуспешно борются с влиянием западных стран в данном аспекте международной политики. Однако он считает, что «группа БРИКС, изначально созданная на основе экономических прогнозов, все чаще используется в качестве платформы для укрепления мягкой силы, прежде всего путем создания Нового банка развития и ряда других институтов и форматов взаимодействия» [Stuenkel, 2016].

Следующая группа исследователей позитивно оценивает роль БРИКС в международной системе. Осознавая и отмечая все ограничения и возможные препятствия, авторы этой группы считают, что БРИКС обладает потенциалом для наращивания влияния на международную систему для ее позитивной трансформации.

В противовес мнению И. Валлерстайна некоторые незападные сторонники мир-системной теории также с оптимизмом смотрят на развитие БРИКС и его перспективы. Д. Рувалькаба считает, что БРИКС — это шанс полупериферии на успех в борьбе с ядром. Он отмечает, что «возможно, за исключением Китая, который недавно достиг серьезного успеха в росте уровня структурного позиционирования (то есть фактически стал серьезным претендентом на переход из полупериферии в ядро системы), природа БРИКС остается полупериферийной» [Ruvalcaba, 2013]. При этом он заключает, что БРИКС, несмотря на существующие ограничения, открывает своего рода «динамическое окно»: может случиться так, что по его примеру консолидируются другие ассоциации, группы или соглашения, или что сам БРИКС расширится и в него войдут другие влиятельные региональные державы, что позволит им конкурировать на глобальном уровне или даже совместно противостоять нынешним блокам и мировым державам, таким как Европейский союз и даже США [Ibid.].

Еще одной распространенной точкой зрения является необходимость укрепления и углубления экономических связей между странами БРИКС для более эффективной выработки совместных решений. С. Куиликони и С. Кинг отмечают, что «основное направление развития института для его участников заключается в консолидации внутригруппового экономического сотрудничества, в первую очередь посредством недавнего создания Банка развития БРИКС, и продолжении их совместного участия в традиционных форумах и организациях». Однако авторы видят ограничение в том, что интересы отдельных членов БРИКС не всегда совпадают, и иногда институт сталкивается с проблемами, когда необходимо консолидировать общую позицию для ее

дальнейшего продвижения в существующих многосторонних институтах [Quiliconi, Kingah, 2016].

Незападные исследователи также обращаются к теории конструктивизма и исследованиям конструктивизма. Необходимым фактором успеха института, по мнению ряда исследователей, является формирование единой идентичности. Группировка БРИКС начала свое существование без коллективной идентичности, но с идентичностью, созданной противопоставлением со «значимым другим» (странами Запада). По мнению многих исследователей, эти страны имеют мало общего с точки зрения идентичности и различаются с точки зрения политических, экономических и культурных систем. Однако за время, прошедшее с момента появления аббревиатуры БРИК, между государствами — членами БРИКС сложились четкие рутинные внешнеполитические взаимодействия, поддерживаемые историческим нарративом о преимуществах участия в БРИКС [Quiliconi, Kingah, 2016]. По мнению группы авторов, основой для развития этих взаимодействий была общая самоидентификация как группы развивающихся держав [Quiliconi, Saguier, Tussie, 2016]. В рамках этой самоидентификации существует общепринятое мнение о том, что нынешняя система глобального управления не отражает интересов развивающихся держав и что без реформы или разработки альтернативной системы развивающиеся державы не смогут полноценно развиваться.

Некоторые авторы считают, что отсутствие единой идентичности — один из главных недостатков БРИКС, другие, наоборот, уверены, что такая идентичность у группы на самом деле есть и она является одной из составляющих успеха БРИКС. К такому выводу приходит Ф. Мельничук. В своем исследовании он опирается на теорию социального конструктивизма, чтобы продемонстрировать, что изменяющиеся идентичности членов БРИКС могут рассматриваться как главная причина сближения их интересов на международной арене. Переход от либерально-одностороннего к многополярному набору социальных требований в области развития создал условия для «дискурсивного выравнивания» (сближения риторики и интересов), которое, в свою очередь, создало условия для появления БРИКС. Мельничук пишет, что развитие и многополярность являются краеугольными камнями инициативы БРИКС. Это соответствие между социальными требованиями всех в группе — ключевой фактор для понимания появления и дальнейшего успеха БРИКС. Наконец, Мельничук делает вывод, что БРИКС можно считать одной из основных долгосрочных сил, формирующих новую архитектуру международных отношений в XXI в. [Mielniczuk, 2013].

Следующий пласт исследований посвящен изучению эффективности БРИКС как института глобального управления, а также попытке проследить взаимосвязь между растущей институционализацией форума, количеством принимаемых обязательств и уровнем их исполнения и ростом его эффективности [Ларионова, Рахмангулов, Шелепов, 2016]. М. Ларионова и А. Шелепов отмечают, что роль БРИКС в системе глобального управления усиливается и его члены осознают ценность своего сотрудничества для решения общих задач. Их анализ показывает, что динамика институционализации сотрудничества БРИКС была положительной, а ее скорость высокой. Институционализация помогла повысить эффективность БРИКС, баланс функций глобального управления сместился в сторону принятия решений, увеличилось количество принимаемых обязательств и уровень их исполнения [Larionova, Sheleпов, 2015].

Ряд вопросов ставят в своем исследовании Г. Толорая и Р. Чуков: «...каким образом, избегая открытой конфронтации с Западом, продвигать собственную повестку дня? Какая модель развития БРИКС оптимальна с учетом интересов всех стран-участниц? Какую задачу ставит перед собой БРИКС: усовершенствовать имеющуюся систему глобального управления или строить параллельную?» [Толорая, Чуков, 2016].

Они пишут, что оптимальный путь — это «путь поиска компромисса в рамках существующей глобальной системы управления и регулирования». Толорая и Чуков не верят, что БРИКС и другие новые объединения вытеснят существующие. Такая позиция, по мнению авторов, не только ошибочна, но и опасна, так как «способствует усилению конфронтации вместо поисков путей сотрудничества и взаимодействия» [Толорая, Чуков, 2016]. Существующие институты глобального управления, прежде всего ООН и МВФ, нельзя игнорировать, сбрасывать со счетов. В итоге Толорая и Чуков приходят к выводу, что надо пытаться договориться с развитыми странами о «перераспределении ролей, уступке ими части прав и привилегий в обмен на перспективы гармоничного глобального развития и минимизацию угрозы конфликта». Необходимо опираться на переговорные и дипломатические механизмы в рамках «Группы двадцати» и сотрудничества с «семеркой». В целом, по мнению авторов, можно предположить, что БРИКС останется важным фактором международной жизни в обозримом будущем [Ibid.].

О. Штункель также отмечает потенциал влияния БРИКС на систему международных финансовых институтов. По его мнению, глубокий финансовый кризис среди развитых стран в сочетании с относительной экономической стабильностью среди развивающихся стран в 2008 г. стали причиной кризиса легитимности международного финансового порядка, который привел к столь же беспрецедентному сотрудничеству между новыми державами в рамках БРИКС. Страны БРИК смогли использовать свое временно возросшее относительное экономическое влияние, чтобы стать разработчиками повестки дня, кульминацией которой стали реформы квот Международного валютного фонда, согласованные в 2010 г. Это показывает, что даже короткие периоды снижения легитимности в глобальном управлении могут быстро привести к появлению и развитию альтернативных институтов глобального управления, самым ярким примером которых является БРИКС. Также Штункель отмечает, что сотрудничество внутри БРИКС в области международных финансов «укрепило доверие между странами и привело к расширению сотрудничества во многих других областях, что предполагает появление эффекта выплескивания (spillover)». Поэтому сотрудничество внутри БРИКС продолжится, даже после исчезновения условий, которые способствовали его возникновению, а именно кризиса на Западе [Stuenkel, 2013].

Также важной характеристикой БРИКС, позволяющей считать институт способным к трансформации системы глобального управления, является заложенное в нем сотрудничество «Юг — Юг». По мнению А. Джаша, хотя БРИКС пока что находится в начальной стадии развития, ему уже удалось заложить основу альтернативного порядка в нынешней структурной динамике в международной системе. Наиболее важной характеристикой, которая определяет при этом БРИКС, является «сотрудничество Юг — Юг». Оно делает БРИКС более жизнеспособным как институт [Jash, 2017]. По мнению автора, расширение повестки дня от сугубо экономических вопросов до большего участия в глобальных политических проблемах и проблемах безопасности, таких как сотрудничество в борьбе с терроризмом, еще раз продемонстрировало значительную эволюцию БРИКС. В итоге Джаш приходит к выводу, что в долгосрочной перспективе БРИКС, вероятно, станет «сильным и эффективным многосторонним форумом в системе международных отношений» [Ibid.].

Наконец, существует группа ученых-международников, оптимистично оценивающих БРИКС и его перспективы. По их мнению, мировой финансовый кризис 2008 г. потряс мировую экономику, и эта катастрофа проложила путь к переосмыслению изменений в архитектуре глобального управления [Chakraborty, 2018]. Значение БРИКС в глобальной структуре управления возросло. Поэтому они ожидают, что БРИКС как единое целое сформирует глобальное управление в XXI в. или как минимум станет од-

ним из самых влиятельных акторов. Влияние, которое уже продемонстрировали эти развивающиеся страны, по их мнению, несомненно, продолжит вносить вклад в перераспределение баланса сил в международных финансовых институтах в пользу развивающихся стран [Ibid.].

Таким образом, эта группа исследователей в целом приходит к выводу, что страны БРИКС все сложнее и уже практически невозможно игнорировать при принятии решений в ключевых сферах глобального управления, однако им все равно приходится действовать в рамках институциональной структуры, созданной и возглавляемой развитыми странами. Стратегия БРИКС заключается в усилении их влияния на принятие решений в существующих институтах, особенно за счет расширения прав голоса и числа возглавляемых руководящих должностей. Для усиления этого влияния и выработки более четкой позиции продолжается процесс институционализации БРИКС и повышения его эффективности.

Заключение

Интерес международного академического сообщества к БРИКС постоянно растет. Ученые-международники стараются объяснить феномен трансформации БРИКС из акронома в реально действующий институт, определить его возможности влиять на процесс принятия решений по ключевым вопросам глобального управления и трансформировать сложившуюся систему, а также предсказать будущее объединения. Исследования БРИКС проводятся на всем идеологическом спектре: как представителями крайне либеральных, так и крайне левых взглядов. Также широк перечень используемых теорий и методологий. То есть можно сказать, что исследования БРИКС проводятся со всех сторон и по всем интересным аспектам деятельности института. В проведенном исследовании в основном анализировались работы, опубликованные в рецензируемых и индексируемых журналах, входящих в базы Scopus и Web of Science. Высокий уровень требований, предъявляемых к публикациям, позволил отобрать наиболее глубокие и интересные академическому сообществу публикации. Это сгладило общую картину, исключив радикальные взгляды, однако не помешало рассмотреть исследования разной идеологической и теоретической направленности.

По итогам этого исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, самые критические и скептические исследования, посвященные месту БРИКС в системе международных отношений, принадлежат авторам, представляющим полюса идеологического спектра, как либерального, так и марксистского. При этом некоторые представители марксизма в международных отношениях все же положительно относятся к БРИКС и видят в нем «шанс полупериферии на успех». Чем ближе автор к центру спектра, тем умереннее его оценка. И среди западных, и среди незападных исследователей есть как последовательные критики и скептики роли БРИКС в системе, так и сторонники противоположной точки зрения.

Во-вторых, главными основаниями для критики БРИКС являются отсутствие групповой идентичности, низкий уровень экономической взаимозависимости, наличие исторических конфликтов между членами, безапелляционное отстаивание суверенитета, централизованная экономика с большой долей государства, отсутствие примата либеральных ценностей в экономике и политике. Опираясь на эти основания, исследователи приходят к разным выводам о возможности БРИКС влиять на международную систему и характере такого влияния.

В-третьих, резкая критика БРИКС в первые два-три года существования института была вызвана недоверием со стороны западных исследователей — сторонников либе-

рального институционализма. Затем всплеск критики можно зафиксировать в 2014 г., позже — после конфликта Индии и Китая. Последняя волна скептицизма была вызвана сменой власти в ЮАР, в Бразилии, а также стремлением последней вступить в ОЭСР.

В-четвертых, основаниями для оптимистичных оценок являются растущая доля в мировой экономике, стремление к многополярности, недопущению гегемонии западных стран и увеличению роли развивающихся государств, растущая институционализация и создание НБР и Пула условных валютных резервов. Как и в случае с критикой, на основании этих характеристик БРИКС исследователи дают прогнозы разной степени оптимистичности о будущем и настоящем института.

В-пятых, главными событиями, породившими волну оптимистичных исследований, стали реформа квот МВФ и создание НБР и Пула условных валютных резервов.

О современных тенденциях можно сказать следующее. С развитием, расширением и углублением повестки БРИКС стали появляться специализированные исследования, посвященные анализу роли форума в выработке решений в различных более узких областях. Много работ посвящено сферам здравоохранения и содействия развитию, растет число публикаций по климатической тематике, а также в сфере культуры и медиа. Несмотря на институционализацию форума, огромное количество работ по-прежнему посвящено БРИКС как группе стран, а не единому актору. Особенно это характерно для экономических исследований.

Источники

Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. (2016) Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. Т. 11. № 3. С. 99–131.

Толорая Г.Д., Чуков Р.С. (2016) Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций. Т. 11. № 2. С. 97–112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.

Brütsch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? // The Chinese Journal of International Politics. Vol. 6. No. 3. P. 299–327.

Byrappa R. (2017) Comparing Immanuel Wallerstein's Critique of the BRICS with That of the Creation of the United Nations // Dvacáté století. No. 2. P. 73–86. Режим доступа: http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-bb62e3cc-1a21-41d8-a92c-b9dde7f376a/c/Ramachandra_Byrappa_73-86.pdf (дата обращения: 13.11.2019).

Chakraborty S. (2018) Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World // Emerging Economy Studies. Vol. 4. No. 2. P. 182–191.

Cooper A. (2017) The BRICS' New Development Bank: Shifting from Material Leverage to Innovative Capacity // Global policy. Vol. 8. No. 3. P. 275–284.

Cooper A., Farooq Asif B. (2013) BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance // Global Policy. Vol. 4. No. 4. P. 428–433.

De Vasconcelos Costa Lobato L. (2018) The Social Issue in the BRICS Project // Ciênc. saúde coletiva. Vol. 23. No. 7. P. 2133–2146. Режим доступа: http://www.scielo.br/pdf/csc/v23n7/en_1413-8123-csc-23-07-2133.pdf (дата обращения: 13.11.2019).

Duggan N. (2015) BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance. The European Union and the BRICS / Rewizorski M. (ed.). Cham: Springer.

Elliott Armijo L. (2007) The BRICS Countries (Brazil, Russia, India, And China) as Analytical Category: Mirage or Insight? // Asian Perspective. Vol. 31. No. 4. P. 7–42.

Harsh V. Pant (2013) The BRICS Fallacy // The Washington Quarterly. Vol. 36. No. 3. P. 91–105.

Hopewell K. (2017) The BRICS — Merely a Fable? Emerging Power Alliances in Global Trade Governance // International Affairs. Vol. 93. No. 6. P. 1377–1396.

- Jash A. (2017) The Emerging Role of BRICS in the Changing World Order // *IndraStra Global*. Vol. 6. P. 1–11. Режим доступа: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.5143222> (дата обращения: 13.11.2019).
- Kirton J. (2015) Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success // *International Organisations Research Journal*. Vol. 10. No. 2. P. 9–38 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-09.
- Laïdi Z. (2011) The BRICS Against the West? *Ceri Strategy Papers*, no 11 – Hors Série. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/35303189.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).
- Lieber R.J. (2014) The Rise of the BRICS and American Primacy // *International Politics*. Vol. 51. No. 2. P. 137–154.
- Liu M. (2016) BRICS Development: A Long Way to a Powerful Economic Club and New International Organization // *The Pacific Review*. Vol. 29. No. 3. P. 443–453. DOI: 10.1080/09512748.2016.1154688.
- Larionova M., Shelepov A. (2015) Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness? *The European Union and the BRICS* / M. Rewizorski (ed.). Springer. P. 39–55.
- Mielniczuk F. (2013) BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 6. P. 1075–1090. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.
- Morales Ruvalcaba D.E. (2013) Inside the BRIC: Analysis of the Semiperipheral Character of Brazil, Russia, India and China // *Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. Vol. 2. No. 4. P. 141–173.
- Quiliconi C., Kingah S. (2016) Conclusions: Leadership of the BRICS and Implications for the European Union. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries* / S. Kingah, C. Quiliconi (eds). United Nations University Series on Regionalism. Vol. 11. Cham: Springer.
- Ramos L. et al. (2018) A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process // *JCIR Special Issue*. P. 1–15.
- Roberts C. (2010) Polity Forum: Challengers or Stakeholders? BRICs and the Liberal World Order // *Polity* 42. P. 1–13.
- Skak M. (2013) The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China. Режим доступа: https://pure.au.dk/portal/files/52138420/BRIC_paper_by_Skak_for_OJPS_revised_submitted_Jan_2013.txt (дата обращения: 13.11.2019).
- Stephen M.D. (2014) Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A Historical Materialist Account of the BRICs Challenge // *European Journal of International Relations*. Vol. 20. No. 4. P. 912–938.
- Stuenkel O. (2013) The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation // *Global Governance*. Vol. 19. P. 611–663.
- Stuenkel O. (2016) Do the BRICS Possess Soft Power? // *Journal of Political Power*. Vol. 9. No. 3. P. 353–367. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232285.
- Sweilande T.S., de. (2012) From Emerging Power to Superpower: A Long Way to Go? *The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: How Europe Can Shape a New Global Order* / T. Renard, S. Biscop (eds). Ashgate.
- Taylor I. (2016) The BRICS in Africa: Agents of Development? *Emerging Powers in Africa* / J. van der Merwe, I. Taylor, A. Arkhangelskaya (eds). International Political Economy Series. Cham: Palgrave Macmillan.
- Taylor I. (2018) Africa and the BRICS: In Whose Interest? *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development* / S. Oloruntoba, T. Falola (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Taylor L. (2016) BRICS and Capitalist Hegemony: Passive Revolution in Theory and Practice. *Emerging Powers, Emerging Markets, Emerging Societies* / S.F. Christensen (ed.). Palgrave Macmillan.
- Vickers B. (2012) The Role of the Brics in the WTO: System-Supporters or Change Agents in Multilateral Trade? *The Oxford Handbook on The World Trade Organization* / M. Daunton, A. Narlikar, R.M. Stern (eds).
- Wade R.H. (2011) Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF // *Politics & Society*. Vol. 39. No. 3. P. 347–378.
- Wallerstein I. (2016) The BRICS: A Fable for Our Time. Режим доступа: <https://towardfreedom.org/archives/globalism/the-brics-a-fable-for-our-time> (дата обращения: 13.11.2019).

International Academic Community's Perception of the BRICS Role in the System of Global Governance Institutions¹

I. Popova

Irina Popova – junior researcher at the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; bldg. 1, 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: im-popova@ranepa.ru

Abstract

The interest of the international academic community in BRICS is constantly growing. International relations scholars are trying to explain the phenomenon of the transformation of the BRICS from an acronym into a functioning institution, to determine its potential to influence the decision-making process on key issues of global governance and to transform the current system, as well as to predict the future of the association. At various stages of BRICS development some scholars constantly predicted the inevitable collapse of the association, others questioned its ability to seriously influence the development of the international system and its institutions, while others confirmed that BRICS has a real opportunity to influence the transformation of the system, but believed that such an influence is extremely destructive. However, BRICS has also many supporters, not only among the academic community of member countries and other developing nations, but also among representatives of Western states.

In this regard, it is interesting to trace how BRICS is perceived by members of the academic community, what opinions prevailed at different stages of the institute's development, what factors could lead to a change in the nature of the assessments made, what methodological approaches are used, how serious is the influence of the general ideology that the author adheres to, and also highlight the main trends in ongoing research. Trying to answer these questions is the goal of this study.

This article considers two groups of studies on the role of BRICS in the modern system of international relations. The first includes representatives of Western countries and universities. The second analyzes the position of non-Western authors. At the same time, the aim of the study is to demonstrate the spectrum of attitudes towards BRICS by the international academic community, the methods used, the prevailing approaches, and not to express the point of view of the author of this article regarding the place, role and future of BRICS.

Key words: BRICS; international relations system; global economic governance; international academic community; world-system approach; liberal institutionalism

For citation: Popova I. (2019) International Academic Community's Perception of the BRICS Role in the System of Global Governance Institutions. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 72–88 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-04.

References

- Brütsch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 6, no 3, pp. 299–327.
- Byrappa R. (2017) Comparing Immanuel Wallerstein's Critique of the BRICS with that of the Creation of the United Nations. *Dvacáté Století*, no 2, pp. 73–86. Available at: http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bw-metal.element.desklight-bb62e3cc-1a21-41d8-a92c-b9dde7f376a/c/Ramachandra_Byrappa_73-86.pdf (accessed 13 November 2019).

¹ The editorial board received the article in July 2019.

The research was carried out within the framework of the RANEPa research project “Monitoring and assessment of compliance with commitments adopted by the leaders at the G20 and BRICS summits in 2018” (2019).

- Chakraborty S. (2018) Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World. *Emerging Economy Studies*, vol. 4, no 2, pp. 182–91.
- Cooper A. (2017) The BRICS' New Development Bank: Shifting from Material Leverage to Innovative Capacity. *Global Policy*, vol. 8, no 3, pp. 275–84.
- Cooper A., Farooq Asif B. (2013) BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance. *Global Policy*, vol. 4, no 4, pp. 428–33.
- De Vasconcelos Costa Lobato L. (2018) The Social Issue in the BRICS Project. *Ciênc. saúde coletiva*, vol. 23, no 7, pp. 2133–46. Available at: http://www.scielo.br/pdf/csc/v23n7/en_1413-8123-csc-23-07-2133.pdf (accessed 13 November 2019).
- Duggan N. (2015) BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance. *The European Union and the BRICS* (M. Rewizorski (ed.)). Cham: Springer.
- Elliott Armijo L. (2007) The BRICS Countries (Brazil, Russia, India, And China) as Analytical Category: Mirage or Insight? *Asian Perspective*, vol. 31, no 4, pp. 7–42.
- Harsh V. Pant (2013) The BRICS Fallacy. *The Washington Quarterly*, vol. 36, no 3, pp. 91–105. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2013.825552> (accessed 13 November 2019).
- Hopewell K. (2017) The BRICS – Merely a Fable? Emerging Power Alliances in Global Trade Governance. *International Affairs*, vol. 93, no 6, pp. 1377–96.
- Jash A. (2017) The Emerging Role of BRICS in the Changing World Order. *IndraStra Global*, vol. 6, no 1–11. Available at: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.5143222> (accessed 13 November 2019).
- Kirton J. (2015) Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 2, pp. 9–38 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-09.
- Laïdi Z. (2011) The BRICS Against the West? *Ceri Strategy Papers*, no 11. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/35303189.pdf> (accessed 13 November 2019).
- Larionova M., Rakhmangulov M., Shelepov A. (2016) Explaining G20 and BRICS Compliance. *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no, pp. 86–111. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99.
- Lieber R.J. (2014) The Rise of the BRICS and American primacy. *International Politics*, vol. 51, no 2, pp. 137–54.
- Liu M. (2016) BRICS Development: a Long Way to a Powerful Economic Club and New International Organization. *The Pacific Review*, vol. 29, no 3, pp. 443–453. DOI: 10.1080/09512748.2016.1154688.
- Larionova M., Shelepov A. (2015) Is BRICS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness? *The European Union and the BRICS* (M. Rewizorski (ed.)). Springer, pp. 39–55.
- Mielniczuk F. (2013) BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 6, pp. 1075–90. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.
- Morales Ruvalcaba D.E. (2013) Inside The BRIC: Analysis of The Semiperipheral Character of Brazil, Russia, India and China. *Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, vol. 2, no 4, pp. 141–73.
- Quiliconi C., Kingah S. (2016) Conclusions: Leadership of the BRICS and Implications for the European Union. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries* (S. Kingah, C. Quiliconi (eds)). United Nations University Series on Regionalism. Cham: Springer.
- Ramos L. et al. (2018) A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process. *JCIR Special Issue*, pp. 1–15.
- Roberts C. (2010) Polity Forum: Challengers or Stakeholders? BRICS and the Liberal World Order. *Polity*, vol. 42, pp. 1–13.
- Skak M. (2013). The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China. Available at: https://pure.au.dk/portal/files/52138420/BRIC_paper_by_Skak_for_OJPS_revised_submitted_Jan_2013.txt (accessed 13 November 2019).
- Stephen M.D. (2014) Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A Historical Materialist Account of the BRICs Challenge. *European Journal of International Relations*, vol. 20, no 4, pp. 12–938.

- Stuenkel O. (2013) The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation. *Global Governance*, vol. 19, pp. 611–63.
- Stuenkel O. (2016) Do the BRICS Possess Soft Power? *Journal of Political Power*, vol. 9, no 3, pp. 353–67. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232285.
- Sweilande T.S., de. (2012) From Emerging Power to Superpower: A Long Way to Go? *The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: How Europe Can Shape a New Global Order* (T. Renard, S. Biscop (eds)). Ashgate.
- Taylor I. (2016) The BRICS in Africa: Agents of Development? *Emerging Powers in Africa* (van der J. Merwe, I. Taylor, A. Arkhangelskaya (eds)). International Political Economy Series. Cham: Palgrave Macmillan.
- Taylor I. (2018) Africa and the BRICS: In Whose Interest? *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development* (S. Oloruntoba, T. Falola (eds)). New York: Palgrave Macmillan.
- Taylor L. (2016) BRICS and Capitalist Hegemony: Passive Revolution in Theory and Practice. *Emerging Powers, Emerging Markets, Emerging Societies* (S.F. Christensen (ed.)). Palgrave Macmillan.
- Toloraya G., Chukov R. (2016) BRICS to Be Considered? *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no 2, pp. 97–112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.
- Vickers B. (2012) The Role of the BRICS in the WTO: System-Supporters or Change Agents in Multilateral Trade? *The Oxford Handbook on The World Trade Organization* (M. Daunton, A. Narlikar, R.M. Stern (eds)).
- Wade R.H. (2011) Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics & Society*, vol. 39, no 3, pp. 347–78.
- Wallerstein I. (2016) The BRICS: A Fable for Our Time. Available at: <https://towardfreedom.org/archives/globalism/the-brics-a-fable-for-our-time> (accessed 13 November 2019).